

Глава 1

Один ребус, два ответа и никакого решения

Ветер качает тростинку.

Мы обламываем ее.

Она лежит на воде и не тонет.

Посади лягушку — выдержит.

Ветер колышет 200 тысяч тростинок,

вдоль берега простерся сплошной зеленый луг.

Мы срезаем тростинки. Вяжем большие снопы. Кладем на воду. И становимся на них. Русский, уроженец Чада, мексиканец, египтянин, американец, итальянец и я — норвежец. С нами обезьянка и тьма кудахтающих кур. Мы пойдем в Америку. Пока что мы в Египте. Ветер несет песок, кругом сушь, кругом Сахара.

Абдулла заверяет меня, что снопы будут держаться на воде. Я объясняю ему, что до Америки далеко. Он слышал, что в Америке не любят черную кожу. Я стараюсь его убедить, что это не так. Он не знает, в какой стороне Америка. Но мы до нее доберемся, если ветер дует туда. Снопы нас не подведут, только бы веревки выдержали, говорит он. Только бы веревки выдержали. Выдержат или нет?

Кто-то потряс меня за плечо, я проснулся. Абдулла.

— Три часа, — докладывает он. — Мы опять начинаем работать.

Палатка горячая от солнца. Я сел и, прищурив глаза, выглянул наружу. Там властвовал сухой зной и слепящее солнце Сахары. Солнце, солнце, солнце. Накаленная солнцем плоскость

смыкалась со сводом несравненной синевы, косые лучи озаряли сухое безоблачное небо над миром золотисто-серого песка. На фоне неба акульмиными зубами торчали три большие и две малые пирамиды. Незыблемые, неизменные, стоят они так с той далекой поры, когда человек был неотъемлемым от природы и созидал природу.

А в пологой ложбине, на песке около пирамид, желтело нечто, вырванное из тока времени, созданное вчера, созданное пять тысяч лет назад: корабль в песках, этакий Ноев ковчег, севший на мель в сахарской пустыне, далеко от водорослей и волн. Рядом стояли два верблюда. Они что-то жевали. Что? Может быть, обрезки нашей ладьи, «бумажной» ладьи. Ведь ее сделали из папируса. Золотистые стебли связали в снопы, из этих снопов собрали лодку — вот она, с высоким носом и кормой, словно лунный серп на фоне неба.

Абдулла уже спускался в лощину. Два чернущих будума в просторных белых тогах карабкались на ладью, ярко одетые египтяне волокли снопы папируса. Работать так работать!

— Бут! Бут! — кричал Абдулла. — Еще папируса!

Я вышел на горячий песок, пошатываясь, как будто очнулся после тысячелетнего сна. Все эти люди работали для меня, это мне взбрело в голову возродить искусство строительства лодок, которые фараон Хеопс и его потомки уже начали забывать, когда возводили могучие пирамиды — те самые, что теперь, будто горная гряда, отделяли возникшую из тьмы веков строительную площадку от бурлящих водоворотов двадцатого века на улицах Каира, раскинувшегося в зеленой нильской долине.

Нас окружал сплошной песок. Жаркий песок, пирамиды, снова песок и стога просушенной солнцем травы — хрупкого, горячего папируса; рабочие тащили его к смоляно-черным африканцам и те, сидя на желтом полумесяце, затягивали веревочные петли руками, зубами и ногами. Они строили лодку, папирусную лодку.

«Кадай» называли ее на своем языке — языке племени будума — эти ребята. Ловкие пальцы и крепкие зубы вязали узлы так, что сразу видно мастеров своего дела.

Бумажным корабликом называли нашу лодку сотрудники Института папируса в Каире, которые размачивают эти растения в воде и превращают колотушками в хрупкую бумагу, чтобы туристы и научные работники могли своими глазами увидеть, на чем писали иероглифами свои труды первые в истории человечества ученые.

Стебель папируса — сочный и мягкий, ребенок может его согнуть и сломать. Высушенный, он обламывается, как спичка, и горит, как бумага.

На песке у моих ног лежал безжалостно скрученный, весь изломанный сухой стебель. Его швырнул здесь старый араб, сперва возмущенно смял, потом бросил, плюнул и презрительно показал на него пальцем. Дескать, что это за материал, он не держит гвоздя, как к нему мачты крепить! Искушенный лодочный мастер, этот араб приехал на автобусе из Порт-Саида, чтобы принять заказ на мачту и такелаж для нашей лодки. И до того осерчал, что следующим же автобусом укатил обратно к морю. Что за насмешки над честным тружеником! Или нынешние совсем уже не знают, что нужно для настоящей лодки? Напрасно ему объясняли, что именно такие лодки в большом количестве изображены в склепах древних строителей пирамид, похороненных в здешней пустыне.

— Ну и что?! Там и не такое намалевано, есть и люди с птичьей головой, и крылатые змеи! а папирус, сами убедитесь, — это же трава, мягкие стебли, ни гвоздь вколотить, ни шуруп завинтить. Стог сена. Бумажная ладья. Попрошу оплатить обратный проезд.

И уехал. Но ведь лодке нужна мачта... Наши чернокожие друзья с озера Чад в сердце Африки клялись, что этот мастер — олух, он, наверно, никогда не видел настоящей кадай, их вяжут из этого самого папируса. Правда, мачт на кадай не ставят, да и к чему нам мачта, когда все люди веслами гребут. Озеро Чад огромное, неужели океан больше! И друзья невозмутимо продолжали связывать вместе снопы папируса. Тут они могли хоть кого поучить. А этот араб из Порт-Саида — просто невежда, он же в глаза не видел кадай.

Я вернулся в палатку и достал из портфеля зарисовки и фотографии древних египетских фресок и моделей. Вот папирусные лодки — ни гвоздей, ни костылей. Под мачту поверх папируса уложена и укреплена веревками широкая, прочная деревянная пята, нижняя часть мачты вставлена в нее и крепко с ней связана... Я отложил зарисовки и лег на сваленные около палатки веревки. Здесь не так жарко, можно поразмыслить... Итак, что я, собственно, затеял и какие у меня основания считать, что на такой лодке можно было выйти из дельты Нила в море? По чести говоря, моя догадка опирается скорее на интуицию, чем на конкретные факты.

Когда я задумал построить из бальсовых бревен плот «Кон-Тики», у меня были совсем другие отправные точки.

Я в жизни не видел бальсы и никогда не ходил на парусной лодке, не говоря уже о плоте, но у меня была гипотеза, были веские данные и логический вывод. Теперь нет ни того ни другого ни третьего. В тот раз я был вооружен объемистой рукописью, полной надежных, на мой взгляд, свидетельств того, что предшественники древнейшей культуры Перу задолго до какого-либо другого народа достигли островов Полинезии. Было известно, что у древних перуанцев к понятию «морское судно» ближе всего подходил бальсовый плот. Отсюда я делал вывод, что этот плот был вполне мореходным и мог благополучно перенести людей и культурные растения через океан из Перу в Полинезию. Вот и все аргументы, однако вывод подтвердился.

Теперь дело обстоит иначе. Я вовсе не предполагаю, что египтяне принесли свою культуру на далекие острова или континенты. Многие считают, что задолго до Колумба древние египтяне достигали тропической Америки. Я такой гипотезы не выдвигаю, у меня нет свидетельств ни за, ни против. К тому же и в Месопотамии тоже строили пирамиды. Я увлечен проблемой, но не вижу убедительного ответа. В этой мозаике науке недостает еще слишком многих кусочков. Огромный пробел в хронологии, необъяснимые противоречия, да и путь через океан неизмеримо больше пути через Нил...

Для передвижения по воде у древних египтян первоначально были только лодки из папируса. Потом у них появились длинные парусные суда; выходить на этих судах в море в большую волну было опасно, зато они идеально подходили для всяких перевозок и путешествий по тихому Нилу. В нескольких сотнях метров от моей палатки, у самой пирамиды Хеопса, мой египетский друг Ахмед Юсеф, улыбчивый бородач, как раз занимался сборкой одного из великолепных деревянных кораблей фараона.

Совсем недавно археологи установили, что вокруг пирамиды с каждой стороны были закопаны корабли, итого четыре. Они сохранялись в герметичных камерах глубоко под землей, прикрытые сверху большими каменными плитами. Пока что вскрыта только одна камера, в ней обнаружены сотни толстых кедровых досок, и древесина такая же крепкая, какой была при захоронении свыше 4600 лет назад, за 2700 лет до нашей эры. Главный хранитель египетских древностей самолично продевал

в тысячи дырочек новые веревки взамен сгнивших. Заново сшитый корабль получился больше сорока трех метров в длину, с удивительно изящными обводами, вполне способный размерами и красотой поспорить с ладьями викингов, которые начали бороздить Северное море, Атлантический океан и Средиземное море несколькими тысячелетиями позже. Только в одном эти два типа судов существенно отличались друг от друга: ладьи викингов были рассчитаны на нелегкий поединок с океанской волной, а корабль Хеопса предназначался для парадных выездов на тихом Ниле.

След, оставленный на дереве веревками, говорит о том, что древний корабль немало послужил, это не была так называемая солнечная ладья, построенная для последнего плавания фараона. Но корпус сделан так, что он был бы разрушен при первой же встрече с высокими морскими волнами. Это очень странно. Ведь строгие, совершенные обводы корабля Хеопса не вяжутся с представлением о речном судне; мастерски набранный корпус с высоким носом и кормой, казалось бы, во всем обличает морской корабль, нарочно сделанный так, чтобы переваливать через прибой и кругую волну. Конечно, это не случайно, тут есть над чем призадуматься. Фараон, живший на тихом берегу Нила почти 5 тысяч лет назад, построил ладью, которая выдерживала только легкую речную рябь, хотя обводам ее могли бы позавидовать лучшие мореходные нации мира. Хрупкое речное судно сделано по образцу, созданному народом с давним, большим опытом морских плаваний.

В чем же дело? Одно из двух. Либо плавные обводы морского корабля были творением египетских мореплавателей той самой поры, когда другие гениальные египтяне уже создали письменность, астрономию, строили пирамиды, делали операции на черепе, изготовляли мумии. Либо кораблестроители фараона учились в других странах. Похоже, что последнее вернее. В Египте нет кедра, материал для корабля Хеопса был привезен из лесов Ливана. А в Ливане жили финикийцы, опытные кораблестроители, избородившие все Средиземное море на своих судах. Их главный порт Библ, один из древнейших городов мира, ввозил из Египта папирус, ведь здесь был центр изготовления книг, отсюда само название Библ или Бибел, то есть книга. Во времена, когда строилась пирамида Хеопса, между Египтом и Библом велась оживленная торговля, так, может быть, у финикийцев корабельщики фараона позаимствовали конструкцию своих судов? Может быть.

Все дело в том, что нам очень мало известно о внешнем облике финикийских кораблей. Во всяком случае, они вряд ли были папироформными, то есть сделанными по образцу папирусной ладьи. Ведь папирус не рос в Ливане, а ладья фараона Хеопса была папироформной. Все крупные деревянные суда времен фараонов были папироформными, их очертания напоминали папирусную ладью.

Тут мы подошли к самому главному. Образцом для корабля Хеопса послужила папирусная лодка. Именно ей были присущи характерные черты морского судна. Нос и корму делали высокими, изогнутыми вверх, выше, чем на ладьях викингов, чтобы судно переваливало через морскую волну и прибой, а не для того, чтобы оно принимало мелкую рябь на реке. Папирусная лодка передала свою форму деревянному кораблю, а не наоборот. И конструкция папирусной лодки уже полностью сложилась к тому времени, когда по велению первых фараонов на стенах гробниц изображали их мифических божественных предков. Причем когда легендарные зачинатели фараонова рода — бог солнца и птичеловеки — изображены на кораблях, то это не финикийские деревянные корабли, не плоты и не речные плоскодонки, а серповидные папирусные ладьи, форму которых в точности повторили строители корабля Хеопса, вплоть до изгибающегося внутрь высокого ахтерштевня, увенчанного символом цветка папируса.

Чтобы построить ладью так, как строили египтяне, когда средиземноморская культура на берегах Нила делала свои первые шаги, нужен не топор и знание плотницкого ремесла, а нож для резки папируса и веревка. Ножом и веревками были оснащены африканцы Мусса, Умар и Абдулла, которые в эту минуту вязали у подножия пирамид Хеопса, Хафра и Мен-Кау-Ра папирусную лодку такого же вида, как древние ладьи, изображенные на стенах гробниц в пустыне по соседству с нашей строительной площадкой.

Зачем? Что я хотел доказать? Да ничего, ровным счетом ничего. Я хотел только выяснить — выяснить, можно ли на такой лодке выходить в море. Правы ли специалисты, считающие, что финикийцы сами ходили за папирусом в Египет, потому что египтяне с их папирусными лодками не могли плавать за пределами дельты Нила. Или, может быть, древнейшие египтяне были опытными судостроителями и мореплавателями, прежде чем осели на месте и стали ваятелями, фараонами, мумиями. Я хотел выяснить, способна ли папирусная

лодка пройти по морю 400 километров — путь от Египта до Ливана. Выяснить, не может ли лодка из папируса пройти еще дальше, от одного материка до другого. Выяснить, не может ли она дойти до Америки...

Зачем? Да затем, что никто не знает, кто же первым достиг Америки. В учебниках написано, что это был Колумб. Но Колумб не открыл Америку. Он был повторным открывателем. Чрезвычайно смелый и проницательный человек, он вышел на кораблях в неведомое, твердо убежденный, что Земля круглая и он не свалится с ее края. Имя Колумба знаменует перелом в истории, он изменил образ жизни целой части света, дал толчок рождению могущественных государств, и со временем там, где раньше были только леса и кустарники, выросли небоскребы. Но не Колумб открыл Америку. Он проложил туда дорогу для других, однако это было уже в 1492 году нашей эры.

Когда же Америка была открыта? Это никому не известно. Первый человек, ступивший на Американскую землю, не был знаком с понятием летоисчисления. У него не было календаря. Не было письма. При своих ограниченных географических представлениях он и не подозревал, что достиг нового материка, где еще не бывало людей.

Первый представитель *Homo sapiens*, пришедший в Америку, был кочующий охотник и рыбовод. Подобно своим отцам и дедам, он бродил вдоль суровых берегов арктической Сибири и в один прекрасный день очутился на восточном берегу полностью или частично скованного льдом Берингова пролива, не подозревая, что до него в здешней тундре топтали сугробы только дикие звери. Мы не знаем сегодня, пересек ли он Берингов пролив пешком по льду или на утлой лодчонке. Знаем только, что первый человек, умерший на Американской земле, родился в арктической Азии. И еще нам известно, что открыватель Америки не знал ни металла, ни ткачества, что он прикрывал свое тело звериными шкурами или обработанной колотушками корой, что его оружие и орудия труда были сделаны из кости и камня, ведь это был человек каменного века.

Мы не можем точно сказать, когда потомки первооткрывателей Америки начали распространяться через Аляску на юг в Северную, Среднюю и Южную Америку. Одни полагают, что заселение Нового Света началось около 15 тысяч лет до нашей эры, другие утверждают и доказывают, что эту цифру можно по меньшей мере удвоить. Но все сходятся на том, что воротами в Америку были ледяные просторы Арктики, и первыми в них

вошли бродячие орды, коим суждено было стать предками многочисленных и чрезвычайно разнообразных этнических групп, которых мы привыкли именовать «американские индейцы».

Узкий пролив между арктической Азией и Аляской продолжал оставаться доступным для кочующих племен, и многие находки говорят за то, что первобытные общины и потом переходили из Сибири в Америку и обратно. А цепочка Алеутских островов и Куро-Сиво к югу от нее служили мостом для тех, у кого были лодки. От Аляски на севере до Огненной Земли на юге новые поколения поселялись в иглу и вигвамах, в хижинах и пещерах, ведь в Новом Свете есть все разновидности климата и географической среды. Эндогамные браки при изоляции, новые переселения и смешанные браки — все это, вместе взятое, способствовало возникновению множества различных индейских племен Америки, резко отличающихся между собой, и не только лицом и телосложением: они подчас говорили на языках, которые даже не назовешь родственными, и вели совершенно разный образ жизни.

И вот тут-то, наконец, появился Колумб. 12 октября 1492 года он сошел на берег Сан-Сальвадора со своим знаменем и крестом, а за ним явились Кортес, Писарро и прочие испанские конкистадоры. Никто никогда не отнимет у Колумба его заслуги, это он распахнул ворота Америки для всех нас, кому не пришлось идти в нее по льду. Но мы, европейцы, как-то уж очень легко забываем, что на берегу его встречали тысячи людей. Что на континенте за островами, на которых он высадился, гостей ждали высокоразвитые государства. Тамошние ученые поведали испанцам, что сюда и раньше приходили из-за океана белые бородатые люди, что эти пришельцы посвятили их во все секреты цивилизации, что испанцев давно ожидают, ведь представители заморской культуры обещали их предкам вернуться.

И правда, в этой части Америки жили отнюдь не те первобытные охотники и рыболовы, которые первоначально пришли в Новый Свет из сибирской тундры. Напротив, в тропической полосе с ее далеко не бодрящим климатом, куда доставили испанцев пассатные ветры и могучее океанское течение, их встретили высокообразованные люди. Они сами делали книги из бумаги, изучали астрономию, историю, врачебное искусство. Они читали и писали, пользуясь собственным письмом. У них были настоящие школы и научные обсервато-

рии. В астрономии и географии они достигли замечательных успехов: точно рассчитали движение небесных тел, вычислили положение экватора, эклиптики, северного и южного тропиков, различали звезды и планеты. Сложный календарь этих людей был точнее того, который знали в Европе во времена Колумба; их летоисчисление — год 0 мая — начиналось, в пересчете на наш календарь, 3113 годом до нашей эры. Где позволял климат, врачи весьма умело бальзамировали знатных покойников, и подобно древним египтянам они делали трепанацию черепа — искусство, которым врачи Европы еще не владели и сто, и двести лет спустя после того, как Колумб пересек океан.

Просвещенные и непросвещенные граждане жили в выстроенных по плану городах с ровными улицами, водостоком, канализацией, рыночными площадями, спортивными площадками, школами и дворцами. Тут нельзя было увидеть палаток и шалашей, горожане изготавливали кирпич из глины с соломой, такой же, как в странах Средиземноморья, и строили настоящие дома в два и больше этажей. В домах побогаче были залы с колоннами, а стены украшались барельефами и замечательными фресками; у художников были яркие и прочные краски. Широко применялись ткацкие станки; испанцы увидели гобелены и плащи, которые композицией узоров и тонкостью изготовления превосходили все, что они знали на своей родине. Искусные гончары лепили вазы и блюда, кувшины и кубки, людей, животных, разные бытовые сценки, и мастерство их ничуть не уступало лучшим произведениям классических культур Старого Света. А золотые и серебряные изделия здешних ювелиров технически и эстетически стояли так высоко, что испанские «открыватели», потеряв от радости голову и совесть вместе с ней, схватились за меч...

Над крышами домов из сырцового кирпича высились огромные ступенчатые пирамиды, храмы, могучие изваяния священных правителей; мощные дороги, хитроумные акведуки и мосты изменили лицо края. Нескончаемые земледельческие террасы с искусственным орошением давали обильный урожай корнеплодов, местных злаков, овощей, фруктов, лекарственных и других культурных растений. Даже хлопчатник был окультурен селекционерами и возделывался на больших площадях. Местные жители пряли шерсть и хлопок, красили пряжу и делали ткани, нередко превосходившие качеством лучшие ткани Европы.

Так кто же кого открыл? Те, кто стояли на суше и смотрели на приближающиеся суда, или те, кто, стоя на палубе, разглядывали людей на берегу? Священный правитель слышал от своих дедов, что он происходит от Солнца через белых бородатых людей, которые явились на паланкинах с зонтом и опахалом. Музыканты правителя играли на флейтах и трубах, били в барабаны, звенели серебряными колокольчиками. Его сопровождала личная охрана и многотысячная регулярная армия; разведчики обнаружили горсточку испанцев, которые сошли с кораблей на сушу и двинулись внутрь страны, к столице.

С могущественным царством ацтеков в Мексике произошло то же, что с огромной империей инков в Южной Америке. Горстка бородатых, белокожих испанцев захватила обширные государства, что называется, без единого выстрела. И все потому, что ученые и жрецы в этих странах сохранили иероглифические записи и религиозные предания: будто бы белые бородатые люди принесли их предкам блага культуры, а потом ушли дальше, в чужие края, но обещали вернуться назад.

Сами индейцы были безбородые, как и все люди с желтовато-коричневой кожей, проникшие на материк с севера. А испанцы, которых они «открыли» у себя на берегу, были белокожие и бородатые, как и все культурные герои местных преданий, и могущественнейшие самодержцы того времени от души приветствовали их «возвращение» в Мексику и Перу.

Но недолго длилось знакомство остального мира с великими цивилизациями Нового Света, от империй ацтеков и майя на севере до царства инков на юге, которые протянулись, словно бусины на нитке, не выходя за тропики в те части Америки, где в наше время особенно наглядно проявились инициатива и трудолюбие человека. Занавес, поднятый Христофором Колумбом, был очень быстро опущен теми, кто последовал за ним. Всего несколько десятилетий — и полнокровные государства с замечательной культурой рухнули. Частью уничтоженные, частью воспринявшие другие элементы, они обрели новые формы, причем мы, европейцы, охотно приписываем себе заслугу создания всего позитивного, что принято связывать с культурой, а какие-то экзотические минусы относим к наследию доколумбовой поры. И все потому, что алчные до золота конкистадоры, преступно прячась за крест, сумели задернуть занавес раньше, чем кто-либо успел как следует уразуметь, что они нашли на другом конце земного шара.

Так что же происходило в Мексике и Перу до того, как Колумб явился в Америку? Можно ли считать первобытного человека из арктической тундры единоличным зачинателем всего того, что обнаружили испанцы? Или имелись другие пути в Древнюю Америку? Может быть, и в Америке, как всюду на земном шаре, еще до Колумба происходило смешение племен? Может быть, потомки переселенцев из Арктической Азии встречали мореплавателей на берегу Мексиканского залива в те далекие времена, когда цивилизация из Африки и Малой Азии распространилась на берега варварской Европы?

Вот в чем вопрос. А ответ? Нет. Конечно, нет. Пожалуй, нет. Пожалуй... Жесткая веревка терла мне спину, и я сел. Пожалуй. Проклятый вопрос. Я лег удобнее. И не видно решения, сколько ни ломай голову. Мысли вращались в замкнутом кругу. Если древние цивилизации Америки всецело сложились в Мексике или Перу, естественно ждать, что археологи обнаружат следы их постепенного развития. Но в каком бы из исторических центров Мексики или Перу ни производили раскопки, они показывают, что цивилизация явилась в сложившемся виде, а уже дальше развивался тот или иной местный вариант. Завязки обнаружить пока не удается. Казалось бы, все ясно: импорт. Заморское влияние. Но ведь великие культуры расцвели в Новом Свете за несколько веков до нашей эры, если верны нынешние теории, а к тому времени прошло около двух тысяч лет, как перестала существовать соответствующая культура в Египте.

Так зачем же строить папирусную лодку? Мысли полетели дальше. Через Америку в Тихий океан. Там я чувствовал себя более уверенно. Сколько лет отдано исследованиям и полевым работам в этой области. В Египет я впервые прибыл простым туристом четыре года назад и увидел в Долине царей настенные изображения папирусных лодок. Лодки показались мне знакомыми. Примерно такие же рисовали на своих кувшинах строители пирамид Северного Перу во времена расцвета их культуры, задолго до заселения Полинезии. У самых больших перуанских камышовых лодок на этих изображениях двойная палуба. На нижней палубе — множество кувшинов с водой и прочий груз, а также маленькие фигурки людей; на верхней палубе обычно стоит земной наместник бога Солнца, священный правитель. Его огромную фигуру окружают люди с птичьими головами, которые нередко тянут за веревки, ускоряя движение ладьи. На папирусных лодках, изображенных на стенах египетских гробниц, тоже показан сверхъестественного роста земной

наместник бога Солнца, священный правитель — фараон, его тоже окружают маленькие фигурки, и мифические птице-человеки тянут за веревки.

Похоже, что есть какая-то необъяснимая связь между камышовыми лодками и людьми с птичьими головами. Ведь и в Тихом океане, на макушке самого высокого вулкана острова Пасхи, в древнем ритуальном селении с солнечной обсерваторией главный мотив рельефов и фресок — неразлучное трио: маска бога Солнца, камышовые лодки под парусами и птице-человеки. Остров Пасхи, Перу, Египет. Можно ли представить себе более обособленные друг от друга районы? и можно ли сыскать лучшее доказательство того, что люди в совершенно разных местах независимо друг от друга изобретают одно и то же? Вот только странно, что исконные жители Пасхи называли солнце «ра». И это не случайность, ведь на других островах Полинезии солнце тоже называлось «ра». «Ра» — и в Египте так именовалось солнце. Трудно найти в религии древних египтян более важное слово: «Ра» — солнце, солнечный бог, прародитель фараонов. Это он плывал на папирусной лодке, окруженный птице-человеками. И на острове Пасхи, и в Перу, и в Древнем Египте воздвигали в честь земных наместников бога Солнца монолитные изваяния ростом с дом. А также высекали каменные плиты величиной с железнодорожный вагон и сооружали ступенчатые пирамиды, согласуя их положение с движением солнца по небу. Тоже в честь «Ра», которого во всех этих трех местах почитали как прародителя. Что это — случайность или тут кроется какая-то взаимосвязь?

Сто лет назад, когда паруса гордо реяли над морями, считалось, что никакие дали не останавливали древних в их странствиях: ведь сумели же Магеллан, капитан Кук и многие другие, пользуясь только силой ветра, обогнуть земной шар. Но мы изобрели винт и реактивный двигатель, для каждого нового поколения наша планета становилась все меньше и меньше, и возникло представление, что прежде, чем дальше от наших дней, тем больше мир должен был казаться людям, а до Колумба и вовсе мыслился необъятным и непроходимым.

На всякого, кто учился в школе, производит магическое действие дата — 1492 год. Год, когда Колумб достиг Америки. И когда земля стала круглой. Раньше ее мыслили плоской, и океан был плоским, поэтому все, влекомое ветрами и течениями, неизбежно должно было свалиться с края в бездну. Вернее говоря, земля и до Колумба была круглой, но не со-

всем, а вроде половинки яйца. Так или иначе, если уплыть достаточно далеко в океан, все равно упадешь с края земли.

До 1492 года ни одна камышинка не могла проплыть над бездной в неведомую даль. После того как Колумб сделал нашу планету шаром, с нее уже ничто не сваливалось. Теперь все уплывающее в Атлантику прибывало к возникшим из морской пучины новым берегам. К тем же островам, куда прибило Колумба, или к тропическому побережью сразу за ними. Колумб стал своего рода Святым Петром, открывшим ворота в Новый Свет. За ним последовали тысячи каравелл и других парусных суденышек. А в XX веке любители приключений гуртом пересекают Атлантический океан на шлюпках, надувных лодках, амфибиях и байдарках.

Патент покорителя Атлантики выдан Колумбу. До него в Америку можно было попасть лишь пешком — в мокасинах или без них — вдоль заснеженной кромки льда из пустынных дебрей Сибири через морозную Арктику. Здесь, на севере, нельзя было сажать хлопок и строить кирпичные дома, на этот счет никаких разногласий нет. Но как те же люди, достигнув сонных тропиков, надумали разводить хлопчатник, дающий волокно для пряжи и тканей? и как они в жарком климате надумали мешать глину с соломой и лепить кирпичи, чтобы строить настоящие дома? Здесь кончается согласие. Здесь начинается спор между теми, кто искал ответа на эти вопросы.

Одним из последних, кто запросто отправлял древних в кругосветные плавания, был англичанин Перси Смит. В культурах Мексики и Перу он находил столько общих с культурой Древнего Египта специфических черт, что предполагал контакты через океан. А обнаружив те же удивительные совпадения на Пасхе и ближайших к Перу островах, он взял линейку и атлас мира и соединил прямой линией Египет через Красное море, Индийский и Тихий океаны с Полинезией и Южной Америкой. Вот как солнцепоклонники пришли в Америку, написал он. Через остров Пасхи.

Другие ставили перед собой глобус и качали головой. На круглом глобусе видно, что Тихий океан охватывает почти половину окружности земли, занимая чуть не целое полушарие. Проплыв на восток четыре тысячи километров, египетские мореплаватели подошли бы к Индии. И от острова Пасхи их бы еще отделяла ровно половина земной окружности. А южноамериканские мореплаватели, отчалив от берегов империи инков и пройдя на запад четыре тысячи километров, уже достигли

бы острова Пасхи. На плоту «Кон-Тики», построенном по инкскому образцу, мы прошли от Перу на запад 8 тысяч километров и на полпути пересекли долготу Пасхи.

Остров Пасхи... Самый уединенный обитаемый остров в мире. Ближайшая страна — Перу, а не Египет. Остров Пасхи... Осаждаемый волнами ком застывшей лавы, где около тысячи заброшенных изваяний молча созерцали небо, когда люди нашей расы наконец проникли в эту область и «открыли» остров в 1722 году. Островом Пасхи назвали мы его потому, что впервые увидели его в день Пасхи. «Пуп Вселенной» назвали его полинезийцы, когда пришли сюда на долбленках и обнаружили, что остров уже заселен еще более древними мореплавателями. Теми самыми, которые высекли на груди своих каменных истуканов большие камышовые лодки с мачтами и парусами. Теми самыми, чьи серповидные лодки из камыша изображены в древнейшем культовом селении острова Пасхи, где скалы расписаны солнечными символами и фигурками птице-человеков, где наблюдали «ра» и поклонялись Солнцу, где жители собирались на ритуал птице-человека, когда смельчаки выходили в море на маленьких камышовых лодках. Пока европейцы в 1868 году не ввели свое христианство, положив конец тысячелетнему обычаю.

Камышовые лодки острова Пасхи. Мысли перестали метаться. Все стало на свои места. На этом острове родился мой интерес к камышовым лодкам. Может быть, именно здесь кончилась их история. Но для меня здесь все началось.

Впервые я увидел камышовые лодки задолго до того, как попал на Пасху. Я ходил на них, когда изучал других каменных исполинов, покинутых своими создателями на горном плато вокруг озера Титикака в Андах. Меня поразила их грузоподъемность, ведь на таких лодках некогда перевозили многотонные глыбы в древний город Тиауанако. Но тогда я воспринял эту своеобразную конструкцию, скорее, как курьез. Как и все, кто читал про империю инков, я знал, что камышовые лодки озера Титикака — всего лишь рудимент доколумбовых лодок, которыми пользовались на всем побережье Перу, когда испанцы пришли на Тихий океан. Они применялись тогда и дальше на север, вплоть до Мексики и Калифорнии. Самые маленькие лодки, напоминавшие слоновый бивень, выдерживали только одного человека, он плыл на них, лежа по пояс в воде. На самых больших, о которых пишут испанцы, была команда до двенадцати человек, а если несколько лодок связы-